Евразийская интеграция как новый этап развития российской государственности

О.А. Подберезкина

В статье евразийская интеграция рассматривается с точки зрения нового этапа развития российской государственности. С этой целью анализируются особенности «фазового перехода» России к качественно новой цивилизационной сущности, черты национальной инновационной системы, структура креативного класса и демографический потенциал страны, шестой технологический уклад и шансы овладения им Российской Федерации.

Человечество в XXI в. переходит в новую фазу своего цивилизационного развития. Ее нередко называют постиндустриальной, информационной, «осевым временем», имея в виду новое качество возникающей экономики, социальных отношений, культуры и, как производное, международных отношений. К новым горизонтам своего будущего народы и государства стартуют из разного исторического времени и могут двигаться к нему по собственным орбитам и с разной скоростью. Но пока что ясно одно: те государства, которые успеют реализовать представившиеся возможности, станут новыми лидерами человеческой цивилизации, одновременно предложив другим странам в качестве пилотных свои системы ценностей, модели социально-политического и экономического развития.

Суть «фазового перехода» для России

Растущее значение гуманитарных, экологических, энергетических, информационных и других проблем – важнейшее проявление данного «фазового перехода». Оно означает, что существующая мировая система международных отношений, казавшиеся еще недавно идеальными политические и экономические модели развитых государств перестали или перестают быть таковыми. И если некоторые новые центры силы, например Китай и Индия, в принципе определились с национальными стратегиями развития, то большинство государств, включая прежних мировых и региональных лидеров, только задумались над этой проблемой. В частности, известный отечественный исследователь Нодари Симония пишет в этой связи: «Последний ипотечный кризис в США, быстро переросший в национальный финансовый кризис, а затем и в глобальный экономический кризис (2007–2009 гг.), многие на Западе расценивают как начало полного заката неолиберальной модели американского капитализма. Даже некоторые европейские лидеры выступили с заявлением о том, что настала пора избавиться от доминирования англосаксонской модели мировой финансовой системы»[1].

Другая черта свершающегося перехода – появление новых политических и военных центров силы, а также политических организаций (типа «Большой двадцатки», БРИКС, ШОС и т.д.), которые начинают теснить старых игроков на международной арене. Но не только. Новые центры силы,

Подберезкина Ольга Алексеевна – аспирантка кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

будь то Китай, Индия или Бразилия, представляют собой государства-цивилизации, которые отличают высокая степень национальной самоидентификации, верность традициям и стремление интегрироваться в глобальное сообщество, не только сохранив государственный суверенитет и национальную систему ценностей, но и распространив их (по аналогии с англосаксонским миром) за пределы национальных границ.

К таким государствам с некоторыми оговорками можно отнести и Россию. Но сырьевая зависимость России делает ее весьма зависимой от мировой конъюнктуры. Как отмечает американский аналитик А. Коэн, возможная «война (в Иране. – О.П.) же поднимет цены на нефть до 200 долл. за баррель, а то и выше, что показали результаты военной игры и экономические модели, отработанные в Heritage Foundation. Возможно, именно поэтому больше всего войны желают богатые нефтью арабские страны: Саудовская Аравия, Кувейт и Эмираты. На Персидский залив, а также на Россию и Венесуэлу прольется золотой дождь. Но за скачком цен на энергоносители последует глобальный экономический спад. Монархии Залива с их колоссальными валютными ресурсами его, скорее всего, переживут. К сожалению, для России прогноз на случай тяжелого экономического кризиса, способного обвалить цены на нефть до 35–50 долл. за баррель на пару лет, совсем не радужный»[2]. Существует и другая версия: производители газового конденсата в США заинтересованы в росте цен для того, чтобы сделать его добычу рентабельной. В этом смысле они заинтересованы и в войне.

Третье весьма заметное проявление «фазового перехода» – это резко возросшее значение человеческого потенциала, вообще наук о человеке и смежных, стыковых наук об информации и человеке. Это означает, что наступает не просто новый этап НТР, лидерство в котором будет предопределять экономическую, военную и социальную мощь государства, речь идет о новом этапе в цивилизационном развитии человечества. Здесь важно подчеркнуть, что на таком этапе развития технологические заимствования уже не могут играть решающей роли. «Заимствования» означают заведомое отставание государств в НТР. Отсюда – важнейшая роль той части национального человеческого капитала, которая определяется уровнем развития национальной фундаментальной и прикладной науки, технологий и образованием.

Важно понимать (а неудачные попытки модернизации России в 2005–2012 гг. говорят о том, что в российской правящей элите это осознается плохо), что технологические заимствования консервируют отставание и делают процесс догоняющего развития бесконечным. Мир ко второму десятилетию XXI в. четко разделился на постиндустриальную часть и индустриальную, которые все больше отделяются друг от друга. Россия принадлежит к индустриальному миру, а ее политика модернизации означает, что страна приобщается к технологиям и знаниям, которые уже устарели, как минимум, 15–20 лет назад. Это – абсолютно бесперспективная стратегия развития, которая будет вести к дальнейшему отставанию страны и создаст наиболее опасную угрозу национальной безопасности. Примеров не счесть, в том числе и в самых, казалось бы, неожиданных областях. Так, для нужд Министерства обороны в свое время производили наручные часы на заводе «Восток», которые работали без подзаводки 36 часов, выдерживали наезд армейского джипа, удары, падения, погружение в воду на глубину до 50 метров и другие экстремальные испытания. Там был собственный, очень надежный механизм и высочайшая культура производства: процент брака у них был ниже, чем у швейцарской ETA[3].

Другой пример: на встрече гендиректоров предприятий, производящих комплекс С-300, с теми, кто его использует, в одной из бригад под Москвой в конце 2012 г. наблюдалась такая картина: большинство претензий было высказано в отношении сцепления к колесным тягачам, которые «горели» от неумелого обращения молодых солдат-водителей. А ведь еще несколько лет тому назад управляли тягачами, как правило, офицеры и прапорщики, и такой проблемы не было. Эти два примера хорошо иллюстрируют колоссальную потерю в НЧП, которая произошла в последние годы, ставшую критичной для эффективного использования вооружений и военной техники.

Политика технологических заимствований, которая в 2005–2012 гг. называлась модернизацией, очевидно ведет к растущему отставанию России, потере технологической культуры и НЧП. Пока что происходит, как отмечают российские эксперты, недооценка этого фактора. «…В российском правительстве, похоже, отсутствует эффективная система подготовки и принятия решений по серьезным вопросам. При ее наличии спор между ВПК и Генштабом по новому стратегическому бомбардировщику вообще не должен был возникать, а проектно-конструкторские работы по изделию, аналогичному Falcon NTV-2 или более совершенному, давно бы велись полным ходом. Об отсутствии такой системы свидетельствует также невнимание правительства к решению некоторых вопросов, от которых зависят темпы научно-технического прогресса России. Самый важный из них – это уровень изобретательской активности инженеров-конструкторов и исследователей. По этому показателю Россия отстает от Японии в 18 раз, от Южной Кореи в 14 раз, от США – в 4, Германии – 3, Австралии – 2,5 раза. А ведь в конце 80-х гг. прошлого столетия мы были впереди всех»[4], –отмечали эксперты в этом, 2012 г.

Черты национальной инновационной системы

Как справедливо считают некоторые российские аналитики, «деление на индустриальный и постиндустриальный мир – это не просто классификационное различие». «Два мира реально формируются. Постиндустриальный мир замыкается в себе. Возрастает доля экспорта развитых стран в развитые страны: в 1953 г. – 38%, в 1963 г. – 49%,

в 1973 г. – 54%, в 1990 г. – 76%. Так же «замыкается» и ввоз-вывоз капитала. 90% зарубежных инвестиций в США идут из 7 стран, и на них же приходится 60% зарубежных американских инвестиций. К началу 1990-х гг. семи ведущим постиндустриальным странам принадлежали 80,4% мировой компьютерной техники, 87% патентов, 90,5% высокотехнологичного производства.

И эта ситуация не может в обозримое время кардинально измениться. Страны – члены ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития), то есть наиболее развитые страны, тратили в 1990-х гг. на научные исследования в среднем 400 млрд долл. (в ценах 1995 г.) в год. На США сейчас приходится 44% общемировых затрат на научные исследования. Эта исключительная роль США продолжает сохраняться. Как заметил академик Н. Симония, «в формационном отношении Америка снова вырвалась вперед, когда в ней стал складываться информационно-технологический уклад, который в течение каких-то двух десятков лет начал постепенно пронизывать и интегрироваться в сегменты «традиционной» (то есть индустриальной) экономики. Можно, конечно, отметить, что далеко не последнюю роль во всех этих процессах сыграла «подпитка» из все той же старой Европы и бывшего СССР («утечка мозгов»).

Как бы то ни было, но именно в США были созданы условия для расцвета инновационных технологий. В этой стране, по существу, сложилась полноценная национальная инновационная система (НИС). Вот примерный перечень участников НИС при разработке и реализации каких-либо национальных стратегических проектов:

– государственные министерства и комиссии зачастую выполняют функцию координирующего механизма, они инициируют и соучаствуют в таких государственно-частных проектах, в случае необходимости привлекают национальные лаборатории (ВВС, ВМС и др.);

– частные корпорации со своими подразделениями НИОКР. В случае отсутствия последних привлекаются сервисные компании;

– университеты и исследовательские институты работают над фундаментальными проблемами и прикладными разработками;

– венчурные компании представляют собой один из главных источников инновационных технологий, финансируются венчурными банками либо представителями продвинутых крупных корпораций, которые в дальнейшем выкупают изобретение и запускают изделие в массовое производство»[5].

Очень показательно, что в подавляющем большинстве стран, пытающихся догнать развитые страны, ставится задача модернизации. А что это значит? Это значит освоение того, что в мире уже есть. Все попытки провести модернизацию имеют целью более или менее творческое заимствование созданного другими. Догоняющий тип развития способен дать многое, пока страны конкурируют в пределах одной системы производительных сил. Но «самые быстро растущие страны Азии находятся на этапе индустриализации. Они увеличивают выпуск уже имеющихся в мире товаров, используя втягивание в производство все новых слоев населения»[6].

Наконец, четвертое проявление «фазового перехода» происходит на уровне мировоззренческом и социальном. Вот как его описывает известный эксперт А. Неклесса: «К концу века утрата оснований прежним строем становится очевидной. Рушатся классовые, расовые, национальные перегородки и параллельно возникают новые; привычные коллективные несогласия замещаются индивидуальными разночтениями, совершается контркультурный переворот. В постиндустриальном контексте прописываются позиции критического, интеллектуального, креативного класса, происходит революция элит. Человеческий космос персонализируется и усложняется, былые иерархии, коды деятельности разрушаются либо преображаются, порою с точностью до наоборот. Делегирование полномочий становится под сомнение, происходит сдвиг к прямой, но асимметричной (конкурентной) демократии пассионарностей, ориентированной скорее на социальное, нежели политическое обновление, а в самом обществе нарастает «бешенство превращений», ведется страстная борьба за право на индивидуальность»[7].

Фактически происходит социальная революция, в результате которой прежние представления о социальной структуре общества, его ценностях, классовых и расовых отличиях стремительно ломаются. Одновременно возникают новые до этого неизвестные. Особенно важное значение приобретает новый социальный слой – креативный класс и роль отдельного индивидуума – творца, который начинает вести «страстную борьбу за индивидуальность».

Технологии, безопасность, человеческий капитал и развитие

Проблемы экономики, общества, ОПК и армии тесно связаны между собой. Какие экономика и общество – такова и армия. Ю. Корчагин справедливо замечал: «Перед Россией сейчас стоит та же проблема, что стояла и перед СССР накануне его распада. СССР, при всей своей мощи, смог создать только 3–4-е технологические уклады (ТУ) экономики, а на 5-м споткнулся и затем распался. К тому же даже продукция 3–4 ТУ российской экономики была и остается низко конкурентоспособной на мировых рынках[8].

Надо сказать, что такая ситуация сложилась в непростой международной и военно-политической обстановке, когда стремительно растут военные расходы, а военные потенциалы стран приобретают новое качество. Это особенно заметно на примере АТР, где «КНР с 2002 по 2009 г. поднялась в мировом рейтинге расходов на вооружение с 7-го места на 2-е[9]. Рост официальных военных расходов КНР чрезвычайно динамичен – почти в 5 раз за 10 лет: от 21,743 млрд в 2000 г. до 100,425 млрд в 2009 г. Следует принимать во внимание, что в ежегодных докладах министерства обороны США конгрессу[10] утверждается, что реальные военные расходы КНР в 1,7–2,6 раза превышают официально объявляемые суммы.

Таблица 1

Технологические уклады экономики.

№	1	2	3	4	5	6
Годы	**1770-1830**	**1830-1880**	**1880-1930**	**1930-1980**	**1980-20.. (?)**	**2015-2050 (?)**
Лидеры ТУ	Голландия, Великобритания, Франция, Бельгия	Те же + Германия и США	Те же	Те же + ЕС + Канада + СССР + Япония + Австралия	Те же (включая всю Европу) + Сингапур + Китай + Корея + Индия + Бразилия + Мексика + РФ(?)	Те же, включая дополнительно Юго-Восточную Азию и Латинскую Америку
Ядро ТУ	Текстиль, каналстрой, водян. и ветрян. двигатели, чугун	Паровой двигатель, ж/д, машино- и пароходостроение, станкоинструмент. пром., черная металлургия, уголь	Электротехника, тяжмаш., ЛЭП, неорганическая химия, авиа- и автостроение, сталь	Авиа-, авто-, тракторостроение, цветмет., органическая химия, синтетический каучук, атомная энергетика и технологии, космос, нефть	Микроэлектроника, программное обеспечение, робототехника, биотехнологии, лазерная и иная оптика, фототехника, дистанционное управление, космос, газ	Социальные технологии, технологии сознания, human technology, climate technology (климатические техн.), технологии интеллекта, ИТ, водородная энергетика и синтетический газ, био- и нанотехнологии, клеточные техн., генная инженерия, мембранные и квантовые техн.
Ключевые факторы развития	Текстильное машиностроение	Паровые двигатели, станки	Электродвигатель, сталь	Двигатель внутреннего сгорания, нефть	Биотехнологии, микроэлектроника,программное обеспечение, ядерная физика, компьютеры, ИТ, Интернет	Нанотехнологии, социальные техн., технологии человека, климатические техн., синтетический газ

Большинство аналитиков сходятся во мнении, что официальные военные расходы (расходы государственного бюджета по статье «Национальная оборона») не являются единственным источником финансирования, и реальные военные расходы существенно превосходят официальные». Международный институт исследования проблем мира (SIPRI) в 2004 г. доказал, что официальные военные расходы КНР предназначены главным образом для финансирования НОАК, в то время как финансирование фундаментальных оборонных исследований, перевооружение и развитие ВПК осуществляется из других бюджетных источников – Фонда научных исследований и разработок и Фонда развития новых видов продукции. Согласно оценке SIPRI, реальные военные расходы Китая в среднем более чем вдвое превышают официальные»[11].

Важной особенностью «фазового перехода» становится ведущая роль национального человеческого капитала, который характеризуется как количественными, так и качественными (демографическими) параметрами. При этом отмечается отчетливая и прямая взаимосвязь между развитием инфраструктурных проектов и НЧП, в том числе его демографической составляющей. Ю. Корчагин считает, что «величина и качество советского интеллекта, человеческого капитала и государства оказались недостаточными для перехода к 5-му технологическому укладу. Свои микроэлектронику, компьютерные, информационные и другие высокие технологии создать не удалось. Лопнуло там, где было тонко, – в высоких технологиях»[12]. Л. Аристова в свою очередь отмечает: «Переход к социально ориентированной высокоэффективной рыночной экономике предполагает достижения современного уровня и качества жизни населения. Состояние и развитие транспортной инфраструктуры определяет устройство экономики в целом. В настоящее время для России и большинства государств Центральной Азии международные транспортные коридоры, нередко повторяющие древние торговые пути, являются необходимым условием, обеспечивающим экономическое и культурное единство территории, сохранение ее целостности и развития. Современные изменения в мировой экономике характеризуются расширением географии межгосударственных связей и ростом конкуренции, повышением роли государства в определении и соблюдении баланса между опорой на собственные национальные силы и открытостью своей экономики. Для России и большинства республик Центральной Азии и соседних стран совместное вхождение в мировой рынок обеспечивает более значимые для каждой из стран результаты, чем при индивидуальных действиях, подчас стимулируемых третьими странами из-за рубежа»[13].

Если говорить о демографии, то известно, что начиная с 1990 г. вплоть до 2012 г. в Российской Федерации существовал огромный провал, или «демографическая яма», которую, вероятно, удалось остановить только в 2012 г. Но и за пределами Российской Федерации шел процесс сокращения «русского присутствия». Как отметил Д. Тренин, «после обретения независимости русских стали увольнять или вытеснять с ответственных постов в правительстве, государственном аппарате, поли-

ции, вооруженных силах, образовании и других важнейших структурах»[14].

Таблица 2

Русские меньшинства в бывших советских республиках, получивших независимость (%).

Страна	Доля русских в 1989 г.	Доля русских в 2012 г.	Год последнего подсчета
Российская Федерация	81,5	79,8	2002
Армения	1,6	0,5	2001
Азербайджан	5,6	1,8	1999
Белоруссия	13,2	11,4	1999
Эстония	30,3	25,6	2000
Грузия	6,3	1,6	2002
Казахстан	37,4	30,0	1999
Киргизия	21,5	12,5	1999
Латвия	33,9	29,6	2002
Литва	9,4	6,3	2001
Молдавия	13,0	5,9	2004
Таджикистан	7,6	1,1	2000
Туркмения	9,5	6,7	1995
Украина	22,1	17,3	2001
Узбекистан	8,4	5,0	1996

Шестой технологический уклад и шансы России

Известно, что «следующий, шестой технологический уклад в части новых технологий будет ориентирован на совершенствование здоровья и интеллектуальных возможностей человека, на социум, на повышение качества жизни, включая климат, среду обитания и труда (human technology), на развитие нанотехнологий, технологий естественного и искусственного интеллекта. В ядро 6-го ТУ войдут социальные технологии, технологии сознания и мозга, climate technology (климатические технологии), водородная энергетика и синтетический газ, био- и нанотехнологии, клеточные технологии, генная инженерия, мембранные и квантовые технологии. Ю. Корчагин полагает, что, «согласно прогнозам, 6-й технологический уклад вступит в фазу распространения в 2015–2030 гг., а в фазу зрелости – в 2040–2050 гг. При этом социальные технологии и технологии развития личности и совершенствования здоровья населения будут развиваться опережающими темпами. Новый ТУ создадут здоровые и интеллектуально развитые люди (креативный класс)»[15].

На наш взгляд, такие оценки излишне пессимистичны, хотя их разделяют многие авторитетные ученые, руководители и особенно руководители производств. Так, еще недавно в России существовал абсолютный скепсис в отношении распространения Интернета и числа пользователей. Между тем уже в первой половине 2012 г., по данным компании Microsoft, доля пользователей компьютерами среди молодых людей достигла 87% против 92% в Европе. При этом отмечается, что потребность граждан современной России в использовании технологий для решения своих личных и профессиональных задач достаточно высока. ИКТ-компетенции все чаще требуются при устройстве на работу: если более 10 лет назад умение пользоваться компьютером или Интернетом было обязательным условием при приеме на работу только в 7% случаев, то сейчас этот показатель возрос до 30%.

Жители России также демонстрируют высокую заинтересованность и спрос на государственные услуги в электронном виде: 42% взрослого населения страны считает Интернет удобным способом для взаимодействия с властью. По мнению экспертов, в развитии ИКТ-компетенций ведущую роль играют программы повышения компьютерной грамотности. И это подтверждается исследованиями: 48% людей, когда-либо проходивших специальное обучение, свободно владеют компьютером и выполняют большинство базовых операций, тогда как среди людей, не обучавшихся на компьютерных курсах, опытных пользователей насчитывается только 17%.

Согласно результатам исследования, проведенного ИРИО, уровень ИКТ-компетенций россиян сегодня отстает от среднеевропейских показателей, но этот разрыв очень быстро сокращается. С 2008 г. разница в доле пользователей Интернета в России и странах Европейского союза сократилась более чем в два раза. При этом существенное отставание еще остается, как количественное (число компьютеров на душу населения), так и качественное (то, как используются технологии, государственные услуги в электронном виде и т.п.). Сегодня в России не реже одного раза в неделю компьютером пользуется 58% населения, в то время как в ЕС этот показатель составляет 69%. Приблизительно такое же соотношение и между пользователями Интернета: 56% – в России и 68% – в ЕС»[16].

В России доля пользователей, еженедельно работающих за компьютером, среди молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет составляет 87% против 92% в Европе. Такие данные были представлены на пресс-конференции в рамках Петербургского экономического форума Институтом развития информационного общества (ИРИО) и компанией Microsoft. Эксперты по результатам проведенного исследования «Роль ИКТ-компетенций в социально-экономическом развитии России» указывают, что лидером в освоении информационно-коммуникационных технологий в России, безусловно, является молодежь. Так, для сравнения в более старшей группе (от 55 до 74 лет) компьютером пользуется лишь 18% (42% в ЕС).

«Для России 6-й ТУ экономики, – считает Ю. Корчагин, – пока принципиально недостижим, как, впрочем, и 5-й уклад. Для этого предварительно необходимо в условиях конкуренции и профессиональных реформ создать высококачественные системы воспитания, культуры, образования, науки и конкурентоспособное качество жизни. Распад СССР – это накопленный отрицательный опыт, доказывающий сделанные выводы»[17]. И хотя такого рода выводы и оценки чрезмерно пессимистичны, важно подчеркнуть, что решение этих задач, как и

реализация евразийской интеграционной политики, требует совершенно новой системы государственного и политического управления, основанных прежде всего на консолидации и мобилизации национальных ресурсов. Причем не только федеральных, но и региональных, и местных. Не только финансовых (которые сегодня обычно имеются в виду), но и моральных, идеологических, духовных.

Академик М. Титаренко справедливо заметил: «Концепция России как евразийской державы требует серьезного реформирования нынешней системы управления экономикой и глубоких изменений форм и методов управления регионами из центра. Жесткий политический моноцентризм, диктуемый огромными пространствами и наличием порождаемого на местах сепаратизма, ролью региональных факторов, тем не менее должен сочетаться с необходимым учетом географического, культурного, социального своеобразия регионов и предусматривать: в экономическом плане – значительный потенциал региональной самодеятельности; право регионов к творческому самосовершенствованию и видоизменению; право адаптировать поступающие из центра общие указания к местным условиям.

Подлинное решение задач развития России как евразийской державы требует серьезного реформирования ее административно-экономической системы, укрупнения административных структур. Опыт экономического подъема развитых стран Запада, США и Японии, а также Китая дает пример разделения функций управления процессами развития экономики между столицей и региональными центрами»[18]. Но, и это главное, «фазовый переход» требует от России реальной политики опережающего развития, в результате которого страна должна перейти в новый технологический уклад. Это возможно при параллельном, последовательном и одновременном «догонянии» и «скачках», перескакивании через этапы в ее развитии. Эти два процесса необходимо совместить, а не противопоставлять один другому, что вполне возможно, если они будут опираться на приоритетное развитие НЧП. Технологические заимствования в таком случае будут становиться частью национальной инновационной системы, развивающейся на базе отечественной фундаментальной науки, НИОКР и образования.

Евразийская интеграция как фактор решения Россией ее фундаментальных проблем

В современном турбулентном мире трансформация России имманентно связана с глобальными процессами, складывающимся соотношением мировых сил. В сложившейся международной ситуации Россия оказалась «зажатой» между растущей мощью Китая, активной экспансией НАТО и угрозами с Юга. В таком контексте евразийская интеграция становится уже не просто одним из важных для нее факторов, но и глобального масштаба проектом, от которого зависит само суверенное существование Российского государства. Причем понимаемая не в узком смысле – как экономическая и таможенная интеграция нескольких стран СНГ, – а в самом широком, в том числе и политическом, ее проявлении.

Гарантия выживания России и ее уникальной цивилизации в качестве одного из мировых лидеров заключается в реализации масштабного евразийского проекта. В частности, в своей известной статье в октябре 2011 г. В.В. Путин пишет: «Евразийский союз – это открытый проект. Мы приветствуем присоединение к нему других партнеров, и прежде всего стран Содружества. При этом не собираемся кого-либо торопить или подталкивать. Это должно быть суверенное решение государства, продиктованное собственными долгосрочными национальными интересами. Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов». И далее: «Еще в 2003 году Россия и ЕС договорились о формировании общего экономического пространства, координации правил экономической деятельности без создания наднациональных структур. В развитие этой идеи мы предложили европейцам вместе подумать о создании гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока, о зоне свободной торговли и даже более продвинутых формах интеграции. О формировании согласованной политики в сфере промышленности, технологий, энергетики, образования и науки. И, наконец, о снятии визовых барьеров. Эти предложения не повисли в воздухе – они детально обсуждаются европейскими коллегами»[19].

Очевидно, что разные страны, в том числе и среди членов СНГ, по-разному относятся к этой идее, особенно среди государств Евросоюза. Однако потенциал самой идеи, как показали даже первые месяцы, оказался огромным. В частности, 1 июля 2012 г. в Молдове начала работать Евразийское агентство новостей. Его корпункты будут расположены во всех крупных городах республики. Цель проекта – пропаганда евразийского интеграционного направления и, в частности, первого его этапа – Таможенного союза (ТС) РФ, Белоруссии, Казахстана. В республике идет сбор подписей за проведение референдума о присоединении к нему. Неслучайно глава представительства Евросоюза в Кишиневе Дирк Шубель поспешил предупредить, что интеграционные векторы, связываемые с ЕС и ТС, несовместимы[20].

Евразийский проект В. Путина и Китай

В мире стремительно нарастают процессы изменения соотношении сил в пользу Китая как нового центра силы в Азии, которые уже привели к стремительному нарастанию военных потенциалов и обозначили точки вероятных конфликтов не только в этом регионе, но и за его пределами. Политика США по «сдерживанию» Китая приобретает все более отчетливые очертания, хотя и до этого, в других странах, конфликтность угрожающе приобретала военно-политические формы: КНДР, Пакистан, Афганистан, Сирия, Ирак, Иран, да и

другие азиатские страны и государства Ближнего Востока и Северной Африки становятся эпицентрами потенциальных конфликтов, где происходит столкновение самых разных интересов[21].

Россия, к сожалению, не может избежать участия в той или иной форме или возможности полностью дистанцироваться от этих процессов. И не только потому, что они происходят в непосредственной близи от ее границ, но и потому, что она вынуждена занимать какую-то ясную внешнеполитическую позицию, которая, в свою очередь, во многом предопределяет социально-экономическую и внутреннюю политику государства. И «разновекторная дипломатия» может помочь лишь на какое-то время и лишь отчасти: нужна национальная стратегия, сочетающая политические, военные, экономические, информационные и социокультурные факторы в единой системе. Это хорошо видно на примере создания региональных систем ПРО США и – потенциально – странами ОДКБ. Тем более что районы существующих и потенциальных конфликтов соседствуют и влияют не только на Россию, но и на все постсоветское пространство.

Единственная эффективная стратегия противостояния нарастающему хаосу – евразийская политическая, экономическая и военная интеграция, которая позволит консолидировать ресурсы России и других постсоветских государств, а также вовлечь в этот процесс в той или иной степени другие (в том числе и европейские) государства. Соответственно провал этой стратегии можно рассматривать как наиболее серьезную угрозу национальной безопасности России, невозможность противопоставить нарастающей мощи двух центров силы – США и Китая, – а также нарастающей конфликтности в других государствах.

Сегодня существуют попытки стратегического прогноза развития США и Китая на 15–20 лет, но важно отметить, что политические намерения (в отличие от экономических и военно-технических возможностей) меняются значительно быстрее. Трудно прогнозировать как отношения США–России, так и КНР–России даже на среднесрочную, а тем более долгосрочную перспективу. Поэтому неизбежно предстоит исходить из «наихудшего сценария», который применительно к России может означать экономическую и политическую экспансию США и Китая. Никто не может гарантировать нашей стране, что при очередном переделе мира ее территория и природные богатства избегнут посягательства от экономических и военных гигантов – США и Китая. Как справедливо заметил Л. Млечин, «Китай – после двух столетий унижений и оскорблений со стороны внешнего мира, вторжения иностранных войск, гражданских войн, революций, голода – на рандеву со своей судьбой. Китай желает сам заново оценить свое место в истории. Почти два тысячелетия он был главным государством Азии. Но в XX веке утерял свое первенство. Западные державы и Япония заставили Китай почувствовать себя униженным. Китайцы мечтают вернуть себе прежнее положение в мире. Даже если это не говорится вслух, в глубине души они уверены: XXI век станет китайским веком. Давным-давно Наполеон пророчески заметил: «Когда Китай проснется, весь мир вздрогнет»[22].

И это не пустые слова. Китай еще только выходит на мировую арену, и это объясняет пока еще существующую сдержанность его внешнеполитических и военно-политических амбиций. Его руководство ставит перед собой вполне разумные цели национального развития, которые определяются тем, что Китай еще находится на догоняющем этапе экономического, технологического и социального развития. По оценке академика Н. Симонии, «образно говоря, Китай пока преуспел по части производства или ассимиляции «железа» (hardware) высокотехнологичной продукции, но не собственного программного обеспечения (software), без чего говорить о IT-укладе было бы преждевременно. Так что Китай в ближайшей перспективе будет еще находиться в процессе догоняющего развития. Другое дело, что Китай уже сейчас может быть примером для огромной массы развивающихся стран, настолько отстающих в своем экономическом развитии, что большинству из них сегодня и в ближайшей перспективе просто не до решения грандиозной задачи постиндустриального развития; им в лучшем случае предстоит решать задачи модернизации индустриального типа. Я уже не говорю о странах, которых сегодня относят к категории failed state, то есть тех, кому не удалось пока решить базовую проблему консолидации своей государственности и в которых в настоящее время вообще не просматривается перспектива нормального развития (Афганистан, Сомали, Йемен и др.)»[23].

Растущая мощь Китая оказывает огромное влияние на Россию уже сегодня. Прежде всего, экономическое (но уже и политическое, о чем говорят значительно реже). Так, 11 лет, прошедших после подписания Договора 2001 г., были посвящены преимущественно наращиванию количественных параметров партнерства. Объем торговли вырос с 8 млрд долл. в 2000 г. до примерно 80 млрд в 2011 г. Китай стал главным внешнеторговым партнером России. К 2015 г. товарооборот может достигнуть 100 млрд долл., а к 2020-му – 200 млрд долл. Существенную роль в достижении этих показателей призвана внести подписанная в 2009 г. «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири с провинциями Северо-Востока Китая до 2018 г.». Кроме этой масштабной программы подписано свыше 200 различных документов по двустороннему сотрудничеству[24].

По экспертным оценкам, доля Китая в мировом потреблении различных видов сырья увеличится на 5–10 пунктов в течение следующих 10 лет. Объем импорта сырья со стороны Китая к 2020 г. по некоторым позициям в абсолютном выражении удвоится, считают российские эксперты[25].

Таблица 3

Импорт в Китай некоторых видов металлов и энергоносителей.

	2010 г.		2020 г. (прогноз)	
	млн т	Доля от мирового потребления, %	млн т	Доля от мирового потребления, %
Алюминий	0,1	40	4	46
Нефть	239	11	350	17
Уголь	135	47	230	56
Железная руда	620	64	725	72
Никель	0,3	37	0,8	45
Медь	2	37	5	47
Цинк	0,3	37	1,0	42

Источник: *http://www.economv-esr.ru; http://www.infogeo.ru; http://www.chinapro.ru; http://www.rosinvest.com*

Открытие в последние годы в Китае (Ордосский бассейн, Таримский бассейн, Бохайский залив и др.), в Австралии (Тиморское море) и других странах АТР ряда крупных месторождений углеводородов будет способствовать развитию в регионе инфраструктуры по транспортировке, переработке и использованию нефти и газа. Но удовлетворить рост энергетических потребностей АТР ни сейчас, ни в будущем эти новые месторождения не смогут[26].

В силу своего стремительного развития Китай, как считает большинство отечественных экспертов, при правильной постановке дела становится одним из главных и оптимальных партнеров для Восточной Сибири и российского Дальнего Востока. При этом сотрудничество может развиваться по многим направлениям, включая топливно-энергетический и горно-металлургический комплексы, научные исследования и трансферт технологий, транспорт, строительство и сельское хозяйство. По многим оценкам, Китай рассматривает доступ к природным ресурсам Восточной Сибири и Дальнего Востока как стратегическую задачу, как один из важнейших путей удовлетворения растущих потребностей в нефти, газе, энерго- и гидроресурсах, металлах. По прогнозу Международного энергетического агентства, к 2020 г. удельный вес этой страны в совокупном мировом спросе на энергоносители составит 17,5%[27].

Необходимо отметить, что в важнейшем нормативном документе, определяющем внешнюю политику России, – Концепции внешней политики Российской Федерации (в редакции 2008 г.), приоритет евразийской политики выглядел слабо, только в контексте многовекторной внешней политики и в соответствующем (IV разделе Концепции) разделе «Региональные приоритеты», что конечно же не соответствует масштабу и актуальности проблемы. В Концепции, в частности, говорится: «В контексте многовекторной внешней политики Российской Федерации важное и всевозрастающее значение имеет Азиатско-Тихоокеанский регион, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся району мира, заинтересованностью в использовании его возможностей при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, необходимостью укрепления регионального сотрудничества в сфере противодействия терроризму, обеспечения безопасности и налаживания диалога между цивилизациями[28].

Примечательно, что в своей статье «Россия и меняющийся мир» В. Путин уже выделил специальную рубрику – «Повышение роли России в Азиатско-Тихоокеанском регионе», которую он впервые по порядку и приоритетности поставил перед рубриками, посвященными соответственно отношениям с Европой и США. Кроме того, в рубрике обращает на себя внимание перечень стран и регионов, которые В. Путин включает в АТР, а именно – Китай, Индия, страны БРИКС, «страны Азии, Латинской Америки и Африки», а также «Большой двадцатки»[29].

Все это говорит о растущей, даже лидирующей роли стран АТР в мировой политике и во внешней политике России, а также о расширенном толковании политической географии и роли этих стран в судьбе России, которая пока что не нашла адекватного отношения в основополагающих нормативных документах.

Евразийская политика России как концепт

Закономерно, кстати, что активизированный В. Путиным процесс евразийской интеграции становится, по сути, политическим вектором действий России в АТР. Тема евразийской интеграции, находившаяся несколько десятилетий фактически в забвении, была актуализирована В. Путиным и сопровождалась целым рядом энергичных действий правительства, Государственной Думы России, отдельных партий и общественных организаций прежде всего в области экономической интеграции[30]. Но не только: инициативы стали проявляться и в образовательной, культурной и информационной областях. Было активизировано и военно-техническое сотрудничество.

На первый план выдвигались вопросы экономической интеграции – деятельности Таможенного союза и Единого экономического пространства, – хотя уже с самого начала говорилось о возможности расширения интеграции и в политической сфере, о создании единой валюты и т.д. Статья Путина, таким образом, стала очевидным, но только самым первым шагом в реализации Евразийского союза. Выгода Таможенного союза и экономического сотрудничества была очевидной. Уже в настоящее время уровень обменов между странами, входящими в этот союз, высок как на экономическом, так и на бытовом уровнях[31].

Вместе с тем за этим первым шагом должны последовать и другие, в том числе в политической и военно-политической области. Так, необходимо расширение военно-технического сотрудничества. И не только с точки зрения льготных цен (что уже существует и сегодня, по информации Генерального секретаря ОДКБ Н. Бордюжи[32]), но и с точки зрения усиления военно-научной и промышлен-

ной кооперации на стадии разработки вооружений и военной техники, а также разработки способов ее применения, базирования, обслуживания и обеспечения.

Концепция, сформулированная В. Путиным, выглядела в 2011 г. следующим образом: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. В том числе это означает, что на базе Таможенного союза и ЕЭП необходимо перейти к более тесной координации экономической и валютной политики, создать полноценный экономический союз. Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами – такими, как ЕС, США, Китай, АТЭС, – обеспечивать устойчивость глобального развития»[33].

Евразийская политика – объективно значительно более масштабная идея, чем только экономическая интеграция. Она имеет широкое внутриполитическое и международное значение. Как справедливо заметил академик М. Титаренко, «только Россия, основывающаяся на евразийской парадигме, способна решить проблемы возрождения, сохранения своей территориальной целостности, подъема культур всех населяющих ее народов и расцвета русской культуры – стержень единства и взаимодействия цивилизаций. Только Россия, базирующаяся на евразийской парадигме, способна играть важную роль и взаимодействовать в рамках таких международных структур, как РИК и БРИК. Только Россия, как евразийская держава, способна поддерживать и развивать и даже добиться признания равноправия и взаимовыгодности суверенных ее отношений с европейским сообществом, с США, Индией, Японией, другими странами и интегрироваться в региональные структуры АТР и Европы»[34].

В такой политике, безусловно, огромная, даже исключительная роль принадлежит государству. В России ведутся до сих пор бесконечные споры о роли государства вообще и в развитии Сибири и Дальнего Востока в частности. Обострение этих споров произошло в 2011–2012 гг. в связи с выдвижением идеи создания государственной корпорации по развитию этих регионов, хотя, как показывает международная практика, все государства, даже те, в которых эта проблема не стоит столь остро, активно участвуют в развитии малоосвоенных регионов[35].

Новая евразийская политика пока что не отражена в важнейших нормативных документах, формализирующих политику России в области национальной безопасности, что в принципе понятно: они были приняты до «стратегического разворота» В. Путина в 2011 г. Примечательно, что в Военной доктрине среди приоритетов военно-политического сотрудничества также не упоминается приоритет военно-политического сотрудничества в рамках евразийства, хотя отдельные его элементы были отчетливо обозначены[36]:

«Основные приоритеты военно-политического сотрудничества:

а) с Республикой Беларусь:

– координация деятельности в области развития национальных вооруженных сил и использования военной инфраструктуры;

– выработка и согласование мер по поддержанию обороноспособности Союзного государства в соответствии с Военной доктриной Союзного государства;

б) с государствами – членами ОДКБ – консолидация усилий и создание коллективных сил в интересах обеспечения коллективной безопасности и совместной обороны;

в) с другими государствами – участниками СНГ – обеспечение региональной и международной безопасности, осуществление миротворческой деятельности;

г) с государствами ШОС – координация усилий в интересах противодействия новым военным опасностям и военным угрозам на совместном пространстве, а также создание необходимой нормативно-правовой базы;

д) с ООН, другими международными, в том числе региональными, организациями – вовлечение представителей Вооруженных сил и других войск в руководство миротворческими операциями, в процесс планирования и выполнения мероприятий по подготовке операций по поддержанию мира, а также участие в разработке, согласовании и реализации международных соглашений в области контроля над вооружениями и укрепления военной безопасности, расширение участия подразделений и военнослужащих Вооруженных сил и других войск в операциях по поддержанию мира»[37].

Активная евразийская интеграционная политика России сама нуждается к концептуально-научной разработке, что явится, по всей видимости, центральной задачей всей работы по подготовке новой концепции внешней политики Российской Федерации, в чем задействован и коллектив МГИМО.

Podberezkina O.A. The Eurasian Integration as a New Stage of Development of the Russian Statehood.

Summary: *In the article eurasian integration is examined from the point of view of the new stage of development of the Russian state system. To that purpose are analysed the features of «phase transition» of Russia to qualitatively new civilization essence, line of the national innovative system, structure of creative class and demographic potential of country, sixth technological mode and chances of capture its to the Russian Federation.*

Ключевые слова

Евразийская интеграция, российская государственность, суть «фазового перехода», креативный класс, шестой технологический уклад, шансы России.

Keywords

Eurasian integration, Russian state system, essence of «phase transition», creative class, sixth technological mode, chances of Russia.

Примечания

1. Симония Н.А. Избранное // МГИМО(У). 2012. С. 754.
2. Коэн А. Кому выгодна война с Ираном? // Известия. 2012. 22 июня. С. 8.
3. Мацарский И. Военные часов не наблюдают // Известия. 2012. 22 марта. С. 1.
4. Осин М.И., Светлов Н.М. Бомбардировщики на нашу голову //Независимая газета. 2012. 22 июня. С. 3.
5. Симония Н.А. Избранное // МГИМО(У). 2012. С. 746.
6. В поисках «китайского чуда»: Сборник статей, посвященных 80-летию Ю.В. Чудодеева / Институт востоковедения РАН / М.: ИВ РАН, 2011. С. 191.
7. Неклесса А.И. Будущее и грядущее: кризис современного мира // Политические исследования. 2012. № 2. С. 75.
8. Корчагин Ю. Российское государство, экономика, Армия и человеческий капитал / ЦИРЭ: Центр исследований региональной экономики. Эл. ресурс: ЦИРЭ / http://www.lerc.ru
9. The World Bank. 2011. World Development Indicators and Global Development Finance / http://data. worldbank.org/data-catalog
10. US DoD. 2005-2009. Military Power of the People's Republic of China 2005, 2006, 2007, 2008, 2009: Annual Report to Congress, http://www.defense.gov/pubs/; US DoD. 2010-2011. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2010, 2011: Annual Report to Congress. http://www.defense.gov/pubs/
11. Чайковский М.М., Казанцев А.А. Сравнение военных потенциалов США, КНР и некоторых стран АТР. Аналитическая записка. М.: МГИМО(У), 2012. Май. С. 3.
12. Корчагин Ю. Российское государство, экономика, Армия и человеческий капитал / ЦИРЭ: Центр исследований региональной экономики. Эл. ресурс: ЦИРЭ / http://www.lerc.ru
13. Аристова Л.Б. Россия и прикаспийские государства: водно-транспортные проекты / Восточная аналитика. Ежегодник 2011. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 101.
14. Тренин Д.В. Post-Imperium: евразийская история // М: Московский центр Карнеги, РОССПЭН, 2012. С. 264.
15. Корчагин Ю. Российское государство, экономика, Армия и человеческий капитал / ЦИРЭ: Центр исследований региональной экономики. Эл. ресурс: ЦИРЭ / http://www.lerc.ru
16. По данным экспертов, в России еженедельно работают за компьютером 87% молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет/ 21.06.2012. Санкт-Петербург / http://rbc.ru/rbcfreenews/20120621150332.shtml?print
17. Корчагин Ю. Российское государство, экономика, Армия и человеческий капитал / ЦИРЭ: Центр исследований региональной экономики. Эл. ресурс: ЦИРЭ / http://www.lerc.ru
18. Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. С. 92.
19. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.
20. Гамова С. Брюссель предупредил Кишинев: налево не ходить // Независимая газета. 2012. 21 июня. С. 6.
21. Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона. Аналитический доклад. М.: Иркутск, 2011. С. 11.
22. Млечин Л.М. Китай – великая держава номер один? СПб.: БХВ, 2012. С. 5.
23. Симония Н.А. Избранное. М.: МГИМО(У), 2012. С. 761.
24. Тавровский Ю.В. Москва и Пекин перед обновлением тандемов // Независимая газета. 2012. 21 марта. С. 5.
25. Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Иркутск, 2011. С. 6.
26. См.: Коржубаев А.Г., Соколова И.А, Эдер Л.В. Нефтегазовый комплекс России: перспективы сотрудничества с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009; Eder L, Andrews-Speed P., Korzhubaev A. Russia's evolving energy policy for its eastern regions, and implications for oil and gas cooperation between Russia and China // The Journal of World Energy Law & Business. 2009. V. 2, №. 3. November. P. 219–242.
27. World Energy Outlook 2011 // International Energy Agency. 2011.
28. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 12 мая 2008 года (Пр-1440) // http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108/shtm
29. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Коммерсант. 2012. 27 февраля. С. 2.
30. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.
31. Внешняя торговля товарами государств – членов Таможенного союза за I квартал 2011 года. Статистический бюллетень / Евразийское экономическое сообщество. Комиссия Таможенного союза. М., 2011. С. 154.
32. Бордюжа Н. Россия упростит продажу оружия союзникам // Известия. 2012. 21 июня. С. 1, 3.
33. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. С. 1.
34. Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. С. 94.
35. Мировой опыт развития // Российская газета. 2012. 21 июня. С. 10.
36. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации. 5 февраля 2010 г.
37. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации. 5 февраля 2010 г.